

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С. — Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40407 EDN: NBPEDE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40407

Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия

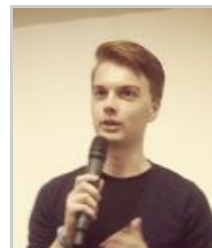
Леонтьев Глеб Дмитриевич

кандидат философских наук

доцент, кафедра общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 35

✉ leontyev@icloud.com



Леонтьева Людмила Станиславовна

кандидат философских наук

доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

✉ ls13@yandex.ru



[Статья из рубрики "Гуманитарные проекты"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.40407

EDN:

NBPEDE

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2023

Дата публикации:

11-04-2023

Аннотация: Анализ цифровых, социально-технологических проектов будущего осуществлен в контексте постнеклассического утопического дискурса на основе системного подхода, концепций информационного общества, динамической теории информации, идей К. Поппера о социальной инженерии. С целью выявления социальных эффектов современных IT инноваций рассматривается актуальная ситуация с универсальным ChatGPT. Утверждается, что технологии не обладают автономным моральным статусом, это проекция человека на мир. Их этическая нагруженность, также как функционал и рамки самоорганизации задаются извне. Искусственный интеллект –

это технология симулятивного воспроизведения человеческой реальности, включающей паттерны социальных девиаций. Значит, не столько виртуальный мир, сколько актуальная действительность нуждается в очеловечивающей корректировке. Информационно – технологические, коммуникативные механизмы преодоления социальных несовершенств прослеживаются в концептуально преемственных проектах «холотехнодемократии» М. Бунге, «информационной демократии» М. Рокара, в проектах цифровой, облачной, электронной демократии. Выявлено, что моделирование идеального цифрового будущего базируется на процедурном подходе, охарактеризованном авторами статьи в терминологии К. Поппера как «*piecemeal*» – метод, то есть «социальная инженерия частных решений». Поэтому цифровые техно-демократии определены как разновидность современной практопии, которая эволюционно и перманентно формирует альтернативную социальную реальность на основе информационно – коммуникационных технологий и социально – сетевой самоорганизации человека и нейросетей.

Ключевые слова:

виртуальная реальность, технология, искусственный интеллект, цифровая демократия, техно-утопия, практопия, информация, самоорганизация, этика, социальная инженерия

Поиск путей достижения гармоничного общественного устройства – это перманентно востребованный, исторически пролонгированный процесс. Историческая логика развития утопического дискурса соответствует формам социального идеала в традиционном, индустриальном, информационном обществах: доклассические утопии, классические и современные «трансформирующиеся» утопии. Современный утопический дискурс представлен трансформирующимися, неклассическими моно-, мета-утопиями и постнеклассическими, которые не претендуют на общечеловеческий статус, но базируются на практико-ориентированном, индивидуально-психологическом подходе (классификация И. В. Фроловой). Конкретика социально-оптимального конструкта будущего обусловлена как политическими условиями [\[1\]](#), так и научно-техническим развитием. В соответствии с периодизацией промышленных революций К. Шваба [\[2\]](#), основными актуальными трендами третьего и четвертого этапа являются электроника, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация и конвергенция технологий. Технологии Hi-Tech, обретая качество имманентности для социума, порождают как техно-пессимизм или технологический алармизм, так и технологический эвдемонизм, т. е. оптимистические надежды. Поляризация мнений свидетельствует о радикальном и противоречивом характере новой «техно-цифровой реальности», о диалектике свободы и отчуждения в онлайн-пространстве [\[2\]](#), о новых технологиях социального контроля и публичного дискурса, о социальном активизме и сетевом эскапизме (например, хикикомори). Поэтому современное видение идеального будущего тесно связано с цифровыми техно-утопиями – моделями всеобщего «оцифрованного благополучия» [\[4\]](#) и экзистенциальной изоляции [\[5\]](#), содержание которых обусловлено уровнем развития информационно-коммуникационных технологий. Если, например, для сообщества соляриев в утопическом проекте «Город Солнца» Т. Кампанеллы храмовое место и обитель Солнца – это небо, реальное пространство над поверхностью Земли, то для современного пользователя компьютерных сетей – это «облако» (публичное, приватное, гибридное), т.е. серверные мощности, которые сдаются в аренду. Благодаря использованию облачной инфраструктуры создаются не только хранилища актуальной

информации, но и площадки для коммуницирования, места обитания для неограниченного круга лиц, формируется виртуальная вселенная с новаторской функцией «метамобильности» между мирами, которая реализуется в роботизированном обществе будущего, благодаря искусственному интеллекту (Artificial intelligence, AI). Философ, футуролог Джарон Ланье, автор термина «виртуальная реальность» (1989) определял VR (Virtual reality) феномен как «пост-символическое общение», позволяющее «непосредственно воссоздавать то, что испытываешь, вместо того, чтобы косвенно выражать все через символы» [6]. Если VR генерирует «осознанные сны наяву», то AR-приложение или «дополненная реальность» (Augmented reality) предлагает опыт расширенного восприятия реальной действительности, в которой присутствуют смоделированные слои и объекты. Применение к AR/VR искусственного интеллекта (AI) дает новый импульс созданию масштабируемых, иммерсивных миров за счет использования аналитического потенциала AI при работе с большими объемами данных и при генерировании идей. Например, цифровой офис, цифровые профили граждан, голосовые помощники, визуализация баз данных [7]. IT-инновации позволяют не только собирать, анализировать поведенческие данные пользователей, но и задавать поведенческие паттерны, влиять на жизненные стратегии индивида. Доступ к многообразию информационных потоков оборачивается сужением выбора информации за счет поисковых алгоритмов системы и, сформированных при помощи самого пользователя, комфортных «информационных пузырей» (filter bubble). По мнению немецкого философа Маркуса Габриэля, пандемия COVID-19 подтолкнула мир к «новому тоталитаризму», критериальная черта которого – утрата различия между публичной и частной сферой [8], смещение границ приватности за счет цифрового следа (информация, выкладываемая самим пользователем) и цифровой тени (информация, созданная автоматически). Следующий шаг по пути инноваций – общедоступность AI, которая становится реальностью после представления универсального ChatGPT, в ноябре 2022 года компанией OpenAI и, прогнозируемого перехода «от дата-центризма цифрового правительства к интеллект-центризму нейроцифрового государственного управления», вследствие развития сети Нейронет [9]. Объекты VR обретают, по Ж. Бодрийяру, «вирулентность», вирусный характер распространения. Это означает, что «мы имеем дело уже не со старым добрым философским виртуальным, которое стремилось превратиться в актуальное и находилось с ним в диалектических отношениях. Теперь виртуальное есть то, что идет на смену реальному и знаменует собой его окончательное разрушение» [10, с. 20]. Вирулентность виртуальных объектов создает иллюзию собственной реальности, изменяя, тем самым, структуру реального социального мира. Как следствие, позитивные социальные ожидания заменяются алармистскими. Если до анонсирования GPT-4 от OpenAI (14.03.2023) озабоченность работой нейросети выражало только медиа-сообщество в связи с авторскими правами и политической ангажированностью AI, то на «скилы» новой мультимодальной версии отреагировали сами разработчики, ученые и технологи, призвавшие 22 марта 2023 г. к полугодовому мораторию на «обучение систем AI более мощных, чем GPT-4» [11]. Эксперты видят угрозу в демонстрации чат-ботом «показателей человеческого уровня», а именно: стремление к власти, тенденцию произвольно продуцировать факты, умножать объем недостоверной информации, осуществлять фишинговые атаки. Воистину, по Ф. Ницше: «Человеческое, слишком человеческое». Человек – субъект научного творчества и последующего внедрения результатов, именно к нему бумерангом возвращаются его не гуманистические интенции. Виртуальные миры не существуют вне и независимо от человеческого сознания. Технические системы эволюционируют вместе с обществом в процессе взаимной адаптации. «Ошибка полагать, – пишет проф. Маркус Габриэль, – что

научно-технический прогресс сам по себе имеет какую-либо освободительную ценность, которая делает мир лучше» [8]. «Сам по себе» прогресс науки и техники – это наличные и потенциальные возможности, конкурентные преимущества, а неспособность человека их адекватно использовать, своевременно просчитать негативные сценарии воспринимается как утрата контроля и обуславливает смещение этического акцента с человека на артефакты. Положение об этической нейтральности техники и технологий вызывает опасение многих исследователей и рассматривается, например, как «эвфемизм, призванный замаскировать систему ценностей технократии» [12, с.29]. Однако автор термина «философия техники» Эрнст Капп еще сто лет назад рассматривал технику с позиций «органопроекции»: «Человек в орудии всегда лишь воспроизводит самого себя» [13, с. 98], переносит вовне свой внутренний мир. Орган порождает функцию и не мыслится вне нее, следовательно, органопроекции расширяют человеческий функционал в контексте актуальных социокультурных, нравственно-политических ценностей сообщества. Техника как опредмечивание навыков, знаний, опыта и Технология как системная совокупность методов, операций, процедур, оргпроцессов есть «инобытие» человеческой рациональности. Значит, автономным моральным статусом техника и технологии не обладают, но их функционирование обуславливает этический дискурс. Это объясняется техно-включенностью в причинные связи и структуры социально значимых событий. Технология, также как техника – это проекция человека на мир. Базис первоначальных ценностей AI и рамки саморегуляции закладывает разработчик. Нейросеть обучается, анализируя поведение пользователей. Виртуальная инфраструктура предоставляет удобные опции и услуги, но их содержание, направление использования определяют люди – управляющие субъекты, креаторы и сами пользователи. AR/VR, многозадачные GPT – результат человеческих интенций и креативного акта сознания, а слишком «человеческий уровень» AI есть симулятивное воспроизведение человеческой реальности со всеми ее девиациями. Парадоксальным образом, ограждать следует не столько людей от инфовлияния ChatGPT, сколько саму нейросеть от прагматики человеческих инфо-манипуляций, т.е. общество от самого себя. Обучение и самообучение AI по образцу «социального идеала» теоретически возможно в замкнутом, информационном пространстве самоактуализированных личностей, в социальном сообществе на вершине пирамиды А. Маслоу. В информационном хаосе реального мира организация самоорганизации AI – это программирование способности к обработке новых, входящих данных на основе ранее изученных, и не всегда идеальных паттернов или на основе искусственных нейронных сетей. Поэтому, утверждает профессор информатики Майкл Литтман, системы «могут быть построены на результатах предвзятых данных или даже вопиющей дискриминации» [14]. При этом, уповать на просвещенческие идеалы и метанарративы модерна в надежде на формирование всесторонней, гармонично развитой личности в масштабах всего человечества – значит, возвращаться к классике социальных мега-утопий. «Цифровые технологии, – по образному сравнению проф. кафедры бизнес-информатики Б. Б. Славина, – как роликовые коньки, которые позволяют бежать быстрее и дальше», но больной человек на них разобьется, его надо сначала вылечить [15], т. е. востребованы социально-терапевтические процедуры. Поэтому, учитывая несовершенство сущего мира и политико-управленческую иерархию, подписанты открытого письма за приостановку экспериментов с AI предлагают конкретный механизм оптимизации на основе взаимной деятельности разработчиков AI и представителей власти. По информации Future of Life Institute, за полмесяца (на 8.04.2023) собрано более 50 тыс. подписей, из них 18 тыс. уже прошли процедуру прямой, независимой проверки, что свидетельствует о высоком спросе на артикуляцию данной позиции. Основные направления перспективного

взаимодействия экспертного сообщества с политиками и госуправленцами – это 1) создание: регулирующих органов по вопросам AI, системы верификации и маркировки искусственно сгенерированного контента, экосистемы аудита и сертификации AI; 2) установление надзора и ответственности: за работой высокопроизводительных систем AI, «утечкой моделей», за вред, причиненный AI; 3) разработка механизмов: государственного финансирования исследований безопасности AI и ресурсообеспеченности институтов для преодоления политико-экономических последствий внедрения AI [\[10\]](#). С позиций социально должного, возрастающие риски непрогнозируемых эффектов IT-инноваций обуславливают корректировку задач во взаимодействии общества, научного сообщества и власти, а именно: переход от антикризисного реагирования и первоначального акцента на предупреждение последствий к «формированию технологии» в соответствии с социальными ценностями [\[16\]](#). Конечно, вследствие различий в ценностях могут сформироваться разные технологические умения и навыки. Но в данном аксиологическом контексте сущность социальных ценностей априори человеко-ориентированная, этика служит инструментарием ответственных инноваций, а социальная оценка технологий (Technology Assessment), по определению проф. А. Грунвальд и В. Г. Горохова – разновидностью научно-политического консультирования. «“Война с наукой” должна прекратиться. Все политические и бюджетные решения должны подкрепляться наукой и опытом» [\[17, с. 3\]](#), – утверждает в докладе Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня». Совместные социальные действия, как стимулирующие «общий, эмпирически выверенный консенсус в отношении фактов, научных выкладок и знаний» [\[17, с. 3\]](#), так и направленные на технологические ограничения известны в истории науки, представлены как общественными организациями (Пагуошское движение ученых, комиссии ООН), так и отдельными учеными (академики П. Л. Капица, А. Д. Сахаров), как декларациями-предупреждениями о социальных рисках («Рассела – Эйнштейна» 1955 г., «Заметки к манифесту неолуддитов» Челлис Глендиннинг 1990 г., доклад ООН 2021 г. О введении глобального моратория на передачу технологий слежки и наблюдения), так и конструктивными проектами «радикально инновационного способа совместного существования человечества» [\[8\]](#): информационная, облачная, электронная, цифровая демократия.

Постнеклассическое видение идеального будущего связано с техническими изменениями среды обитания человека, с эффектами сетевых IT и универсального AI. Признание системообразующего статуса информации и онлайн-коммуникаций составляет основу цифровых техно-утопий. В соответствии с динамической теорией информации Д. С. Чернавского, определение базового понятия предполагает акцент на самоорганизации социальных субъектов и альтернативности: «информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [\[18, с. 6\]](#). Субъект, зафиксировавший индивидуально выбранную информацию, способен воздействовать на конфигурацию всей социальной системы, благодаря феномену «convivialite» («общедоступная общительность») Данный термин принадлежит французскому исследователю Ж. Д

[\[19\]](#). Участие в информационном обмене предполагает образование новых смыслов через взаимное понимание и консенсус. Возможность общественного дискурса и согласия повышает уровень осознанности и комфортности социального бытия. Поэтому японский исследователь И. Масуда в 1980-е гг. определил будущее «обществом согласия» и изобилия [\[20, с. 29\]](#). По предположению японского футуролога, социальная структура

грядущего общества представлена небольшим аппаратом управления, формирующимся в соответствии с аудитом функций и равноправными сообществами «homo intelligens», которые взаимодействуют без конфликтов на основе доминирования социокультурных ценностей. На позитивные социальные эффекты развития научного познания, социотехнологий и непрерывного образования (lifelong learning) возлагают надежды и представители «холотехнодемократии» или интегральной технодемократии. По мнению философа М. Бунге, структура будущего общества базируется на эгалитарности и меритократии, т. е. на «квалифицированном равенстве» [21, с. 48], которое формируется в процессе интеграции следующих принципов общественного устройства: от каждого по способностям, каждому по труду (П.- Ж. Прудон); каждый человек имеет выгоду от допустимых неравенств в базисной структуре (Дж. Ролз); законное владение плодами своего труда (Дж. Локк). Государство является нейтральным посредником, а граждане осуществляют просвещенное, «информационное правление» с использованием социотехнологий, научного, экспертного знания и можно предположить, учитывая современный IT-контекст - на интернет-платформах с технологиями Open Source. Ученый допускает, что данная модель социального устройства является утопией, но это та устремленность в будущее, к которой следует стремиться. Востребованность техно-моделей идеального социального будущего подтверждается дальнейшим развитием идей интегральной технодемократии М. Бунге в концепциях «информационной демократии» М. Рокара, в электорально-информационных проектах облачной, сетевой, цифровой, виртуальной демократии. Данные проекты будущего предполагают, что избирательное право и свободная информация – идеи, ориентированные на снятие цензов и осознанное участие, а электронные средства коммуникации – технологии, формирующие «виртуальную идентичность электората» [22]. Электоральность – это сущностно информационный процесс, поскольку наличие альтернативы и ситуация «запомненного выбора», как следует из определения Д. С. Чернавского, и есть информация. Информационные потребности и общественно-политический активизм мотивируют пользователей на дискурсивные практики в сетевом пространстве, на освоение новых коммуникационных платформ, площадок и технологий. Если М. Рокар акцентирует внимание на обеспечении циркуляции свободной медиа-информации, на осознанности гражданского поведения [23], то проекты e-democrasy представляют собой конкретный процессуально-процедурный механизм, обеспечивающий эту свободу на основе сетевых IT. К элементам процедурного механизма относятся: степень добровольной открытости политика; доверие, зависящее от качества исполнения полномочий; механизм делегирования. Конечно, предвыборные кампании – это конкуренция профессиональных политтехнологов, но электоральная онлайн-конструкция в идеале призвана повысить компетентность избирателей, честность политиков, устойчивость социальной системы за счет частоты онлайн-замеров ее состояния. Адаптируя сетевые инновации, как технологические, так и активистские, e-democrasy способна продуцировать идеи-импульсы к развитию социальной системы, но реализация этих идей возможна только при наличии институализированного механизма реакции на результаты замеров, инициатив и контроля.

С социально-философской точки зрения, проекты цифровых техно-демократий можно рассматривать как утверждение взаимодополнительности концептов «идеальное состояние человека» (Т. Мор) и «идеальный гражданин Государства» (Т. Кампанелла), как попытку объединения принципов «утопий свободы» и «утопий порядка», как диалектику взаимосвязи управления и самоуправления. В ракурсе утопического дискурса и социальных технологий, e-democrasy – это, по Э. Блоху и Ю. Хабермасу, «реалистическая утопия» [24], разновидность трансформирующихся постнеклассических

утопий, которые ориентируются не на мега-проектирование, чреватое социальными катаклизмами и непредсказуемыми результатами, а на достижение идеального социального состояния посредством перманентных «частных улучшений». Сущность онлайн-технологии социальных преобразований можно определить в терминологии К. Поппера как «социальную инженерию частных (piecemeal) решений» [25, с. 30], т. е. как практопию. Термин «практопия» был введен в научный оборот Э. Тоффлером для определения специфики «третьей волны» «истинно человеческой цивилизации» [26, с. 16]. Будущее в практопии более благоприятно для человека, чем мир нынешний, но при этом признается наличие отдельных несовершенств, их постепенное преодоление и необратимое социальное преобразование. «Изменения сегодняшнего дня, - пишет Э. Тоффлер, ...дают направление на жизнеспособную контрцивилизацию, ... дают направление на практопию» [26, с. 246].

Теоретический анализ техно-цифровых проектов будущего позволяет сделать следующие выводы: 1) технологии не обладают автономным моральным статусом, это проекция человека на мир: массивы данных, алгоритмы обучения нейросети есть воспроизведение человеческой реальности, также как поведение пользователя в иммерсивных мирах. Поэтому в системе «человек – технологии» востребовано совершенствование мира самого человека через нормативы взаимодействий с AI, выработку методик социальной оценки технологий общественно-государственными регуляторами; 2) информационные, постнеклассические модели идеального будущего базируются на социотехнологическом подходе и процедурном методе, который определен как «социальная инженерия частных решений» (К. Поппер); 3) модели техно-цифровой демократии отнесены к разновидности практопий, использующих «piecemeal»-метод для модернизации системной целостности. Таким образом, социотехнологический, процедурный метод частных улучшений – это метод вхождения в практопическое будущее на основе инфотехнологий, социально-сетевой самоорганизации человека и нейросетей, а цифровые техно-демократии – это «реалистические утопии», которые фрагментарно, но перманентно и эволюционно формируют альтернативную «новую реальность» – единый онлайн-офлайн континуум.

Библиография

1. Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л. С. Праксеология социальной утопии: протест-проект-практика // Социодинамика. 2020. № 2. С. 64-73. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.2.30089 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30089
2. Schwab, Klaus. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab. – Random House (USA), 2017. 192 p.
3. Safina, A. M., Leontyev, G. D. et al. Dialectics of freedom and alienation in the space of the internet / A. M. Safina, G. D. Leontyev, L. F. Gaynullina, L. S. Leontieva, T. V. Khalilova // Revista ESPACIOS (ISSN 0798 1015-Venezuela-Scopus). Vol. 39 (№27) Year 2018. Page 8. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n27/18392708.html>
4. Халуторных О. Н., Егорова Е. А. Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2022. № 2 (94). – DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-771
5. Куземина Е.Ф., Пашкова Н.В. Утопия как форма экзистенциальной изоляции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 45-49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>.
6. Ланье Джарон: Как нужно переделать интернет.-URL: <https://www.topspeaker.ru/articles/media/dzharon-lane-kak-nuzhno-peredelat-internet/>
7. Косоруков А.А. Технологии дополненной реальности в сфере государственного

- управления // Социодинамика. 2020. № 1. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.1.31949 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31949
8. Markus Gabriel. Philosopher says digitalization leading to new totalitarianism // The Asahi Shimbun. September 17, 2020. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13721770>
9. Косоруков А. А. Перспективные технологические решения в сфере построения нейроцифрового государственного управления // Социодинамика. 2021. № 6. С. 53-66. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.35675 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35675
10. Бодрийар Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
11. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. March 22, 2023. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>
12. Миронов А.В. Наука, техника и технологии: техноэтический аспект // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2006. № 1. С.26-41
13. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас.-Л.: Прибой, 1925. С. 96-129
14. Wat's the Most Dangerous Emerging Technology? 21.02.2022.-URL: <https://gizmodo.com/whats-the-most-dangerous-emerging-technology-1847957403>
15. Славин Б. Б. Когда цифровая демократия не работает // Ведомости. 2.11.2019.-URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/11/12/815993-tsifrovaya-demokratiya>
16. Горохов В. Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. – С. 135-145.
17. Наша общая повестка дня. – Доклад Генерального секретаря ООН. – New York, Изд-е ООН, 2021. 85 с.
18. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация: динамическая теория информации/ Д. С. Чернавский. – М.: Наука, 2001. 244 с.
19. Jean d'Arcy. Direct broadcast satellites and the right to communicate // Right to communicate: collected papers / edited by L.S. Harms, Jim Richstad, and Kathleen A. Kie: University of Hawaii Press, Honolulu, 1977, 229 p.
20. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Wash.: World Future Soc., 1983. 419 p.
21. Бунге, М. Холотехнодемократия: альтернатива капитализму и социализму/ М. Бунге // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 42 – 46.
22. Гигаури Д. И. Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. № 11. С. 1-21. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.11.36962 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36962
23. Рокар, М. Трудиться с душой / М. Рокар; Пер. В. Коломийцева, В. Чернеги, В. Николаева. – М.: Международные отношения, 1990. 344 с.
24. Цит. Блох Э. по: Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека// Вопросы философии. 2012. №2. С. 66-80
25. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского.-М.: Феникс, 1992. 448с.
26. Тоффлер, Э. Третья волна. Пер.: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Микиша, Е. Руднева, Н.

Хмелик / Э. Тоффлер. – М.: Изд. АСТ, 2004. 261 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая работа посвящена актуальной современной тематике, носящей концептуальный характер и анализируемой с разных точек зрения исследователями из различных научных направлений. Электронная демократия – это форма демократии, которая характеризуется активным использованием информационно – коммуникационных технологий как основного средства для коллективных мыслительных и административных процессов на всех уровнях, начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным. В основе представления об эффективности э-демократии лежат как теоретические исследования, так и экспериментальные данные, полученные, например, в ходе исследований коллективного разума. Целью цифрового манифеста является описание цифровых инструментов управления таким государством, в котором народ, являясь единственным источником власти, никогда не отделяет эту власть от себя, а лишь делегирует избранным представителям функции по управлению государством и лишь на то время, которое разрешают граждане.

К 2022 году была разработана большая часть технических средств, для совершения цифрового перехода к новой форме управления государством – цифровой демократии или цифровизму. Однако, политическая ситуация в каждой стране была различной, как и готовность к цифровому переходу. В большинстве стран цифровые технологии начали использоваться как инструмент для укрепления действующей власти. При этом, гражданские права и свободы стали быстро сворачиваться.

Электронное голосование, цифровизация национальных валют, видеокамеры в общественных местах с возможностью идентифицировать любого человека, тотальная запись всех телефонных разговоров, сохранение всей активности в Интернете, контроль за «лайками» и комментариями в социальных сетях, присвоение «социального рейтинга» гражданину – все это вело общество по пути «цифрового лагеря» с тотальным контролем государства над гражданами. Демократия начала сворачиваться и оказалась в опасности.

Государство, в лице узкой группы людей, перехватило контроль над цифровыми технологиями, все сильнее узурпируя власть, а общество не успело консолидироваться вокруг этой проблемы. Большинство граждан склонилось к мнению – что им нечего скрывать, поэтому государство может за ними следить.

Идеология цифровой демократии предполагает, что народ, являясь единственным источником власти, имеет право защищать демократию и должен поставить власть под свой контроль с помощью цифровых технологий. «Цифровой лагерь» должен быть не для всего общества, а только для представителей власти.

Практи́пия (термин введён Элвином Тоффлером) — литературный жанр, в котором, как и в утопии, описывается модель лучшего общества, но, в отличие от утопии, признаётся неидеальность данного общества. Жанр утопии сам по себе предназначен для описания модели совершенного общества, в котором личность обретает высшее развитие и совершенство. Утопия – это виртуальная модель (образ) общества, отвечающего критериям максимально представимой автору социальной справедливости и всеобщего счастья в условиях стремящейся к идеалу человеческой природы, которая альтернативна социальному настоящему и по замыслу автора должна выступать ориентиром будущего развития.

Довольно обширную и в целом оптимистичную панораму будущего общества рисует Э. Тоффлер, называя свою утопическую композицию термином «практопия». т.е. жанр, в котором описывается модель лучшего общества, но в отличие от утопии не идеального, а содержащего некоторые несовершенства. В практопии есть место болезням, грязной политике и дурным манерам; она не статична, словно застывшая в нереальном совершенстве; в то же время она не воплощает в себе некий воображаемый идеал прошлого. Практопия не является воплощением концентрированного зла, что характерно для антиутопии; в ней нет безжалостной антидемократичности, милитаризма; она не обезличивает своих граждан, не нападает на соседей и не разрушает окружающую среду; практопия предлагает позитивную и даже революционную и, тем не менее, реалистичную альтернативу современной действительности. В определенном смысле общество постмодерна и представляет собой практопию, практопическое будущее.

Главными слабостями всех неклассических и постнеклассических разновидностей утопий является, во-первых, их фрагментарность, связанная с абсолютизацией отдельных

сторон идеального общества, во-вторых, как это ни странно, ограниченная фантазия, которая никак не может преодолеть исторически изживших себя идеологий, в особенности, идеологии буржуазного либерализма и не может представить себе идеальное общество без частной собственности, как основы личной индивидуальности. Наконец, утопичность всех этих современных проектов идеального общества связана с тем, что ни один из них не только не решает, но и не поднимает вопроса о реальных путях и способах перехода от современного общества к идеальному.

В статье приводится широкий спектр мнений, в том числе и апелляция к контраргументам оппонентам, работа выполнена на широком библиографическом материале и будет интересна определенной части аудитории журнала.